

В анатомическом кабинете

Вниманием дышат лица...
Раскрыты веером уши...
Здесь молодёжь толпится
Около тёплой туши.

У края стоит с ланцетом
Бровар, слова бросая:
«Мускулюсмассетер...
Внутренняя косая...»

Бродит волокна сминая,
Рук его отпечаток.
Вот здесь спинная,
А вот - край зубчатой...»

Но из всех объяснений
Я только одно лишь понял,
Одно лишь мне стало яснее,
Что лучшая девушка – Тоня.

Что бродит по комнате мука,
Что сердцу стучит у Тони
Таким серебристым звуком,
В таком мелодичном тоне.

И когда мы вышли на воздух,
И ночь зацвела голубая,

Это небо, рябое в звёздах,
Так хорошо улыбалось.

Колючая вьюга снега
Так бушевала чудесно,
И шорох такой шёл с неба,
Что в сердце слагалась песня.

Даже луне стало грустно,
Плывущей в лиловом блеске,
Что в небе ужасно пусто,
И ей целоваться не с кем.

Гляди, уже по Лиственной...

Гляди: уже по Лиственной,
Где институт мясной,
Тревожною, таинственной
Повеяло весной.

Уже ручьи забулькали
По всей аллее сплошь.
Отправишься за булками -
Не вытащишь калош.

Ворвался ветер в форточку
С заоблачных высот,
И умывает мордочку
На крыше серый кот.

Но виснет сердце гирею,
Лежит на сердце тень:
В далекую Башкирию
Я еду через день.

Средь гула, среди дыма я
Забудусь ли в тоске?
Но ты, моя любимая,
Останешься в Москве.

В Москве, где все закружено,
Где звон, где шум, где гуд,
В Москве, где шелк, где кружево,
В Москве, где столько губ,

Где все огнями залито,
Где окна жгут, манят,
Ты позабудешь за лето
Мой исподлобья взгляд.

В Москве, где зори молоды,
Где столько лиц и встреч,
Забудешь очень скоро ты
Мою простую речь.

В Москве, где взгляды - омуты,
Где жизнь кипит, как кровь,

Другому ты, другому ты
Отдашь свою любовь.

Средь топота овечьего,
Среди сосновых смол,
Однажды, синим вечером,
Я получу письмо.

И строчки жгут больней огня:
"Серёженька, прощай!
Не мучь меня, забудь меня,
Не плакать обещаю".

Пускай тоской и пламенем
Пахнет от этих строк,
Но с выраженьем каменным
Я буду сух и строг.

Я высунусь на улицу
И погляжу вперед.
Груститесь ль мне, тоскуется ль,
Никто не разберет.

Рукою не усталою
Придвину микроскоп.
К холодному металлу я
Прижму горячий лоб.

"Она была б жена твоя,

И вот ее уж нет.
Так, сердце, рвись же надвое,
Пылай, жестокий бред..."

Один к одному

Бывало, студент пройдет стороной
И скажет, этак, рассеянно:
- «Вот тут бы, мол, диском, а тут бороной» -
А поле уже засеяно.
Бывало, студент, поглядит за столбы,
Заглянет за две перекладины:
- Да, мол, у вас здесь хороший бык...
...А бык, то, выходит, кладенный.
Теперь мы изъездили весь Казахстан
И сторону знаем Кавказскую,
И эти рассказы у вас на устах
Нам кажутся детскою сказкою.
Теперь недаром: один к одному
Сияют зари излучины,
Овечье «бя» и коровье «му»
До точки нами изучены.
Недаром мы гнали стада за версту,
Недаром в навозе марались,
Под теплою шерстью слушали звук
Артерии феморалис.
Недаром над нами бродила Луна,
Лучами беля, как известкой,
Она нам, корова, как песня, родна,

Как пальцы свои, известна.
По синему небу плывут облака,
Корова жует и думает:
«Сердитые люди отняли телка,
В овсяной соломе мало белка
И жизнь моя очень угрюмая...»
Я запахом талого сена дышу,
Я знаю тоску коровью,
И я не чернилами это пишу,
А собственной сердца кровью.
И я говорю: растай, тоска,
Коровья печаль, затихни,
В ВУЗе, где мелом стучит доска,
Учится зоотехник.
Он пишет конспекты, листает тома,
Льет кислоту в бюретки,
Он готовится силу ума
На службу отдать пятилетке.
И он придет среди пыльных степей,
Среди леска поределого
Строить силосные башни тебе
И заново мир переделывать.

Приглашение в фотографию

Я говорил тебе не раз
Простой и стихотворной речью:
Как у тебя, таких вот глаз
Я в жизни больше уж не встречу.

В пылу тоски, в бреду ночей
Такие лица только снятся.
И тем обидней и горчей,
Что ты никак не хочешь сняться.
Ты скажешь: «Вот они, взгляни! –
И веер карточек разложишь.
«Скажи, не правда ли, в те дни
Была я лучше и моложе?»
«Нет, - говорю я. – Тоня. Нет!
Там пестрота, там лесть, там ретушь,
Какой не выбери портрет,
Такого выраженья нет уж...
Да ну же, Тоня, что с тобой?
Ну, милая, скажи «Угу».
И мы ковровою тропой
Пойдём под вольтову дугу».

Хорошо: ну, приходит Тоня,
Но зачем же срывать с места?
Зачем глядеть беспокойно
И вступать в разговор неуместно?
Серёжа! Ещё немного,
И что от престижа останется?
Ты должен держаться строго,
Ка член редколлегии «Сталинца».
Но на такие речи
Я лишь головой качаю.

Я лишь поднимаю плечи
И сам себе отвечаю:
«Товарищ! В чём дело? Ну, пусть он студкор,
Пусть пишет острее перца,
Но скажите: с каких же пор
Он не имеет сердца?
Нет, он имеет его! И вот
Вам результат наглядный:
Он уже ходит, как идиот,
Он очарован взглядами».
Учитесь, как черти!
*(предположительно, агитка
из институтской многотиражки)*

Бывало,
у студента
семь «хвостов».
Чёрт возьми!
Надо же так случиться!
Хнычет парень:
«Не буду учиться,
И никаких гвоздём!»
Теперь же
выросли мы
из кожи обезьянней,
Газеты и учебники
зачитываем до дыр.
О самом пустяковом изъяне
Заботится товарищ,

доглядывает бригадир.
Теперь студент
по-новому чертит,
Готовится
к бурям
идущих веков...
Мы лозунг бросаем:
«Учитесь, как черти,
Чтобы дать
инженеров-
большевиков!»

Штурмовой квартал

*(предположительно, агитка
из институтской многотиражки)*

По чёрным лесам,
по огромным равнинам,
Во всех концах
необъятной карты
Гудят призывы:
«Кадры нужны нам!
Кадры дайте!
Дайте кадры!

Нужны инженеры! Врачи! Агрономы!
Нужны зоотехники! Директора!»
Мы землю заставим глядеть по-иному.
Проходят комбайны, гудят трактора!

Мясо-молочный! Мясо-молочный!
Это к тебе обращён призыв.
В работе огромной, горячей и срочной
Бейся же лучше, бери призы!

А как мы поём октябрьские песни?
Довольны мы перечнем наших побед?
Обезличка изжита? Прогулы исчезли?
Хвосты уничтожены? Всё ещё нет!

Комсомол лозунг дал боевой:
Четвёртый квартал даёшь штурмовой!

Все силы вложим в один порыв,
Мясо-молочный, штурмуй прорыв!

Покажем примеры ударной учёбы,
Чтоб наша стройка шла горячо бы.

За качество знаний!
За темпы!
За технику!
Боевая закалка нужна зоотехнику.

Оппортунистов бита карта!
В работе, в учёбе будем метки!
Даёшь четвёртый ударный квартал
Третьего года пятилетки!

Я вызываю

*(предположительно, агитка
из институтской многотиражки)*

Меня с нетерпением ждёт страна,
Послать меня хочет туда,
Где плачет дисковая борона
И грузно идут стада.
Там в поле на солнце искрится сталь.
Комбайны идут стоногие...
А меня ещё два «хвоста»:
По анатомии и гистологии.

А я большевистские темпы сдал,
К учёбе немного остыл.
Сегодня на двадцать минут опоздал,
Вчера полчаса пропустил.

Так нет же! Пламенем жжёт меня стыд,
Гудки пятилетки взывают.
Я ликвидирую эти «хвосты»,
Ликвидирую и вызываю.
Я вызываю своих друзей,
Таких же, как я, «хвостатых»:
- Давайте в старинный музей сдадим
Обломовских темпов латы!

Я слышу, как бурей шумит институт,
И гул раздаётся ответный:
- Товарищ, дни пятилетки идут,

Октябрьские дуют ветры.
Заводы грохочут в отблесках сизых,
Нервы натянуты, как струна.
Товарищ студент! Принимай же вызов!
Тебя с нетерпением ждёт страна!

«Таналык»

Не надо сердиться, ветер.
Ты знаешь, что мир велик.
Не только Москва на свете.
Существует и Таналык.

Ну что же, и здесь не плохо.
По жилам струится труд.
И если велит эпоха,
Я буду работать тут.

Но я об одном жалею,
По жизни этой идя,
Что в Лиственную аллею
Отсюда пройти нельзя.

Нельзя скинуть кепку сырую,
Взбежать на четвёртый этаж.
И я тебя не поцелую.
И ты мне руки не подашь.